

18+

Руслан Паушу

ИЗАДА

Руслан Паушу

Изада

«Издательские решения»

Паушу Р.

Изада / Р. Паушу — «Издательские решения»,

Изада, дочь старейшего из адских демонов, изгнана за чрезмерную доброту —
обратно не пустят, пока не станет злой. В Москве, мартовской, и серой,
люди давно опередили её и учат бесплатно: консьержка — не улыбаться,
кассирша — не отдавать сдачу, таксист — воровать у пьяных, философ —
не действовать. Уроки работают. Изада злеет. Но зло не вернёт её домой.
Остаётся третье — то, чему в языке нет слова.

© Паушу Р.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. СОВЕТ ПСОВ	6
ГЛАВА 3. ТАМАРА ПЕТРОВНА	10
ГЛАВА 4. КОММУНАЛКА	13
ГЛАВА 5. УСТРОЙСТВО	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Изада

Руслан Паушу

© Руслан Паушу, 2026

ISBN 978-5-0070-5763-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. СОВЕТ ПСОВ

В Канцелярии пахло старой бумагой и тем особенным железом, которое есть только в учреждениях, переживших три тысячелетия. Коридор был длиной в двести тридцать два шага — Изада знала это с детства, как знают таблицу умножения, — и каждая дверь в нём была либо закрыта, либо отсутствовала.

Сегодня были закрыты все.

Изада шла. Шаги её, как и шаги всех, кто когда-либо шёл по этому коридору, не производили звука — коридор поглощал шаги, как вата поглощает жар. На стенах висели не картины, а табели: табель о рангах Адской Канцелярии, табель служебных прегрешений, табель наказаний за прегрешения первого рода, второго рода и того особого рода, который в официальных документах назывался «дефектом служебной пригодности». Под последним табелем значилось одно имя. Изада знала, какое. Она не смотрела.

Она думала о пирожках.

Нет. Это неправда. Она думала о пирожках потому, что вчера, в последний свой день в Канцелярии, зашла в кафетерий — слово «кафетерий» в Аду было ироническим пережитком прошлого века — и увидела, как одна из младших инспекторш, Аньес, ест нечто завёрнутое в пергамент. Изада спросила, что это. Аньес ответила: «Пирожок с мясом. Муж принёс. Он у меня с Земли.» Изада тогда впервые за двести сорок лет подумала, что мир живых — это не совсем санаторий. Это место, где у инспекторш бывают мужья, и мужья приносят пирожки, и пирожки завёрнуты в пергамент.

Она тогда не попросила. Сегодня — попросит. Если успеет.

Дверь в Зал Совета Псов была тринадцатой по коридору. Изада остановилась перед ней. Дверь была дубовая, чёрная, с медными накладками в форме собачьих голов. Собак в Аду было много — этимология слова «демон» давно утеряна, и каждый второй этимолог в Аду утверждал, что она восходит к санскритскому «дама», что означает «сдерживать», и отсюда же якобы происходят и «дамба», и «дамка», и даже «дама» в значении игровой фигуры. Изада в этимологию не верила. Она верила в то, что собаки — это собаки, и что в Совете Псов их больше, чем людей.

Дверь открылась сама.

Зал был круглый. Это знали все, кто в нём когда-либо бывал, — и знание это не утешало, потому что круглые залы существуют для того, чтобы в них не было углов, а в отсутствие углов невозможно спрятаться. Потолок был низкий, тёмно-красный, с лепниной в виде переплетённых змей. В центре зала стоял стол — тоже круглый, — и за столом сидели девять демонов. Восемь из них были старше Изады на тысячелетия, и каждый из этих восьми имел в формуляре как минимум одно прегрешение первого рода. Девятый был Азар.

Азар сидел напротив двери. Он всегда садился напротив двери. Это была его привычка — не стратегическая, а человеческая; в Аду, где стратегия была профессией, человеческие привычки выдавали либо очень сильных, либо очень усталых. Азар был и тем, и другим.

На нём был тёмный костюм, галстук закинут на плечо. Лицо острое, скуластое. Глаза серые — те самые, которые Изада унаследовала, и которые в Аду считались признаком высшего ранга, а в мире живых сочли бы признаком усталости. Руки длинные, сложены на столе, как у хирурга перед операцией.

— Изада Азаровна, — сказал Азар.

Это было не обращение, а вызов. В Аду формула «имя-отчество» употреблялась только в двух случаях: при приёме на службу и при увольнении. Изада знала это с детства. Она сделала три шага вперёд, остановилась в шести метрах от стола (шесть метров — расстояние, с

которого демон не мог дотянуться до просителя, но проситель мог видеть лицо демона; это было расстояние уважения, и одновременно расстояние страха).

— Я здесь, — сказала Изада.

— Ты знаешь, зачем ты здесь, — сказал Азар.

— Знаю.

— У тебя есть что сказать?

— Нет.

Азар помолчал. Потом повернулся к демону, сидевшему справа — низенькому, плотному, с лицом, на котором ничего никогда нельзя было прочесть, потому что лицо это было устроено как хорошая мебель: всё гладко, ничего лишнего.

— Азария, — сказал Азар. — Огласите.

Демон Азария встал. У него был голос, каким в Аду читали приговоры: ровный, медленный, без единой лишней интонации.

— Изада Азаровна, тысяча семьсот двадцать восьмого года рождения, помощник младшего инспектора третьего разряда, стаж работы — сто пятьдесят лет, за этот период — четырнадцать выговоров за «непрофильную жалость», последний выговор — от тринадцатого числа сего месяца. Основание: попытка облегчить участь души номер одиннадцать тысяч триста семьдесят два — Лосев Константин Михайлович, тысяча девятьсот девяносто первого года рождения, осуждённый за лень и безответственность, срок — сто лет.

Азария сел.

В зале было тихо. Тишина в Аду была рабочей — не пустой, а заполненной. В ней слышалось, как работают механизмы где-то внизу, как перебирают бумаги в соседнем кабинете, как один из демонов, сидевший у окна, медленно пьёт из чашки что-то чёрное и горячее.

— Изада, — сказал Азар. — Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Изада не шевельнулась. Шесть метров были её дистанция. Голос её, когда она наконец заговорила, был тихий, без выражения, — но Азар, единственный из всех, кто знал Изаду триста лет, слышал в нём ту маленькую ноту, которой не должно было быть.

— Я не пыталась облегчить его участь, — сказала Изада. — Я пыталась понять, за что ему сто лет. Лень и безответственность — это двести лет. Не сто.

— Это не твоё дело, — сказал Азар.

— Это моё дело, — сказала Изада. — Я помощник младшего инспектора. Я сортирую.

— Ты сортируешь неправильно, — сказал Азар. — Ты сортируешь с жалостью.

— Жалость — это не метод, — сказала Изада.

— Жалость — это не метод, — повторил Азар. — Жалость — это преступление.

В зале снова стало тихо. Один из демонов — тот, у окна — допил из чашки и поставил её на блюдце. Блюдце звякнуло. Это был единственный звук.

— Изада, — сказал Азар. — Совет рассмотрел твоё дело. Мы предлагаем тебе выбор. Первый вариант: Школа Жестокости, три тысячи лет, по окончании — передача служебной пригодности. Второй вариант: ссылка в мир живых, срок не определён, условие возвращения — полное усвоение зла. Решение — за тобой.

Изада молчала. Она знала, что Азар ждёт от неё первого варианта. Школа Жестокости — это контроль: три тысячи лет её будут учить тому, чему она не хочет учиться, но в конце концов научат, и она вернётся, и Ад получит своего инспектора. Ссылка — это риск: мир живых — это не санаторий, это место, где люди живут так, как будто Ада не существует, и от этого ведут себя иногда хуже демонов, иногда лучше, и предсказать, что из этого выйдет, не может никто. Азар ждал, что Изада выберет контроль. Она знала это, потому что знала его триста лет.

Она также знала, что Азар хочет, чтобы она выбрала ссылку. Потому что Школа Жестокости — это её поражение, а ссылка — её шанс. Азар был сложным демоном. Он хотел, чтобы она выбрала правильно, и одновременно хотел, чтобы она выбрала то, чего он хотел, и одно-

временно хотел, чтобы она выбрала то, чего он сам не мог предсказать. Это была очень демоническая комбинация.

— Я выбираю ссылку, — сказала Изада.

Ожог на её левой руке зачесался.

Это был первый раз, когда она в нынешнем разговоре соврала — потому что сказала «я выбираю ссылку», а на самом деле сказала: «Я не знаю, что я выбираю.» Но в Аду не было слова «не знаю». В Аду было «выбираю» или «не выбираю». Третьего не дано.

— Хорошо, — сказал Азар. — Заседание окончено.

Он догнал её в коридоре. Это было неслыханно — старший инспектор не догоняет помощника младшего, особенно после заседания, особенно если на заседании было объявлено об изгнании. Но Азар догнал. Шаги его, в отличие от её шагов, звучали — он не считал двери и не думал о пирожках, он думал о другом, и потому его шаги были обычными шагами.

— Изада, — сказал он.

Она обернулась. Шесть метров были уже не нужны — в коридоре, наедине, без стола между ними, расстояние другое.

— Да, — сказала она.

— Ты знаешь, что я хочу сказать.

— Знаю.

— Тогда я не скажу.

— Хорошо.

— Если тебе будет плохо, — сказал Азар, — ты можешь позвонить. У меня есть право на один звонок в неделю.

— Я знаю, — сказала Изада.

— Я не позволю первым, — сказал Азар.

— Я знаю, — сказала Изада.

— И ты не звони первой, — сказал Азар.

Изада молчала. Это была его педагогика. В Аду воспитывали молчанием. В Школе Жестокости молчание длилось три тысячи лет. Здесь, в коридоре, оно длилось шесть секунд.

— Хорошо, — сказала Изада.

Азар кивнул. Повернулся. Пошёл назад, к залу. Изада смотрела ему вслед. На спине его пиджака, чуть ниже левой лопатки, было пятно — кофейное, старое, не отстиранное. В Аду кофе не подавали. Это пятно было с Земли. Изада не знала, откуда оно у отца. Она не спросила. Она знала, что если спросит, ожог будет гореть.

Дверь в мир живых была первой по коридору. Изада подошла к ней. Дверь была обычная, обитая кожей, без номера и без таблички. За дверью, если верить слухам, был март, был снег, были люди, были пирожки, и никто из этих людей не знал, что Изада сейчас войдёт.

Изада толкнула дверь.

Дверь не открылась.

Изада постучала.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина в синем халате поверх розовой кофты. Лицо у неё было круглое, в веснушках, которых в её возрасте не бывает, но у неё они почему-то остались. Глаза маленькие, зоркие. На носу — очки на цепочке. В руке — ключи.

— Девушка, — сказала женщина. — Вы к кому?

Изада открыла рот.

— Я ни к кому, — сказала она.

— Так не бывает, — сказала женщина.

За её спиной был подъезд. Коврик. Запах вчерашнего борща. Стены, выкрашенные в тот особенный жёлтый цвет, который есть только в московских подъездах. И снег за стеклянной дверью — первый снег, который Изада видела в своей жизни.

— Я к вам, — сказала Изада.

— Ко мне не ходят, — сказала женщина. — Ко мне приходят.

— Я пришла, — сказала Изада.

Женщина посмотрела на неё долго. Потом сказала:

— Иди на кухню к Нине. Третий звонок, второй этаж, дверь с сиреневым бантом.

Изада пошла по лестнице. На ступеньках лежал тающий снег — тот, который она принесла на подошвах. Снег таял, и под ним был виден мокрый кафель. Изада поднялась на второй этаж, остановилась перед дверью с сиреневым бантом, постучала.

Дверь открылась.

За дверью стояла маленькая женщина в сиреновом халате, согнутая, в тапочках с дырками. Она пахла пирожками.

— Кушать будешь? — спросила она.

ГЛАВА 3. ТАМАРА ПЕТРОВНА

Изада спустилась со второго этажа. На лестнице пахло борщом и ещё чем-то, чего она не знала — позже она узнала, что это варёная картошка. Она остановилась перед стеклянной дверью подъезда. За дверью был снег. За снегом — Москва.

Тамара Петровна сидела за своей стойкой. Стойка была узкая, обитая дерматином, с прорезью для ключей. На стойке лежали: связка ключей (восемнадцать штук, каждый — от своей квартиры), семечки (в газетном кулёчке), и очки (на случай, если кто-нибудь придёт проверять документы). Документы никто никогда не проверял. Очки лежали для порядка.

— Вернулась? — сказала Тамара Петровна.

— Кушать будешь? — сказала Тамара Петровна.

— Стой, — сказала Тамара Петровна. — Я ещё не спросила.

Изада остановилась. В её жизни — в той, адской, — никто не говорил «стой», потому что в Аду не к кому было обращаться через дверь: двери открывались сами, и люди за ними появлялись сами, и никто никого не ждал. Здесь ждали. Это было её первое открытие.

— Я слушаю, — сказала Изада.

— Садись, — сказала Тамара Петровна.

Изада села на деревянный стул у стены. Стул был скрипучий, советский, из тех, что стоят в каждом московском подъезде. Изада села, и стул скрипнул, и этот скрип был вторым звуком, который Изада запомнила в Москве. Первым был скрип двери Нины.

— Сигареты есть? — спросила Тамара Петровна.

— Нет, — сказала Изада.

— Документы есть?

— Нет.

— Деньги есть?

— Нет.

— Муж есть?

— Нет.

— Дети есть?

— Нет.

— Родители есть?

— Отец, — сказала Изада. Помолчала. — Отец.

— Где отец?

— Далеко, — сказала Изада.

— Это не ответ, — сказала Тамара Петровна. — Далеко — это не ответ. Далеко — это отмазка. Отец — это отец. Где отец?

— В Аду, — сказала Изада.

Тамара Петровна посмотрела на неё. Потом перевела взгляд на семечки. Потом обратно на Изаду.

— Дура, — сказала Тамара Петровна. — Я тебя не про Аду спрашиваю. Я спрашиваю — в каком городе, в каком регионе, по какому адресу. Если в Аду — значит, в Аду. Мне всё равно. Мне твоя прописка не нужна. Мне нужно знать, чтобы полиция не приходила.

— Отец далеко, — повторила Изада.

— Это и пиши в анкете, — сказала Тамара Петровна. — Если будут спрашивать. Если не будут — не пиши.

Она помолчала. Потом сказала:

— Слушай сюда. Я тебе три вещи скажу. Запомни — и иди.

Изада кивнула.

— Первое, — сказала Тамара Петровна. — Не улыбайся незнакомым. Никогда. У нас в подъезде три психа, два пьяницы и один маньяк, которого все знают, но никто не видел. Если ты улыбнёшься маньяку — он подумает, что ты его приглашаешь. Если пьянице — он подумает, что ты его любишь. Если психу — он подумает, что ты его мама. С улыбкой в Москве далеко не уедешь.

— Поняла, — сказала Изада.

— Второе, — сказала Тамара Петровна. — Не плати вперёд. Никогда. Никому. Ни за что. Такси — наличкой в конце. Квартира — залог при въезде, остальное — после. Доктор — после приёма. Это Москва. Здесь все врут. Здесь все обманывают. Здесь все боятся. Если ты заплатишь вперёд, ты не успеешь понять, что тебя обманули, потому что тебя уже обманули.

— Поняла, — сказала Изада.

— Третье, — сказала Тамара Петровна. — Не благодари.

Изада не поняла.

— Не благодари, — повторила Тамара Петровна. — Если кто-то тебе поможет — не говори «спасибо». Если кто-то тебе даст — не говори «спасибо». Если кто-то тебя укроет от дождя, накормит, оденет, обогреет — не говори «спасибо». Потому что в Москве «спасибо» — это не благодарность. «Спасибо» — это долг. Ты говоришь «спасибо» — и ты должна. Ты должна — и ты в долгу. Ты в долгу — и ты проиграла.

— А что говорить? — спросила Изада.

— Ничего, — сказала Тамара Петровна. — Кивни. Посмотри в глаза. Иди дальше. Москва поймёт. Москва уважает молчание.

Изада молчала.

— Ну вот, — сказала Тамара Петровна. — Уже научилась.

Она поднялась со стула, посмотрела на Изаду сверху вниз (Изада была выше, но Тамара Петровна в своём подъезде всегда смотрела сверху вниз, потому что подъезд был её территорией, и на её территории все были ниже), и сказала:

— Иди. Нина тебя накормит. Нина всех кормит. Потом приходи — я тебя на работу пристрою. У меня в пункте выдачи знакомая. Не улыбайся ей. Не благодари. И не плати вперёд.

— Поняла, — сказала Изада.

— И ещё, — сказала Тамара Петровна.

Изада остановилась.

— Не плачь, — сказала Тамара Петровна. — В Москве не плачут. Плачут только в метро, и то — в вагоне, и только по понедельникам. Сегодня среда. Сегодня не плачут.

Изада не плакала. Она вообще не плакала — никогда, с рождения. В Аду плакать не положено. В Аду плач — это жалость к себе, а жалость к себе — это первое, что отнимают у демона при посвящении. Изада не плакала.

Но руки у неё дрожали. Не сильно. Так, что если бы кто-то смотрел — заметил бы. Тамара Петровна смотрела. Она заметила. Она ничего не сказала. Она дала Изаде семечек.

— Ешь, — сказала Тамара Петровна. — Это от нервов.

Изада взяла семечку. Разгрызла. Выплюнула шелуху в газету, как делала Тамара Петровна. Это было её первое человеческое действие в Москве.

— Иди, — сказала Тамара Петровна. — Нина ждёт.

Изада пошла к лестнице. У первой ступеньки она обернулась. Тамара Петровна сидела за своей стойкой и смотрела в окно. За окном был снег. Снег таял.

— Спасибо, — сказала Изада.

Тамара Петровна повернулась к ней. Лицо у неё было такое, какое бывает у кондукторов, когда пассажир пытается заплатить мелочью за проездной: ни злости, ни удивления, одна усталость.

— Иди, — повторила она. — Я сказала — не благодари.

Изада пошла вверх. На лестнице она остановилась, посмотрела на свою руку. Ожог не чесался. Это было странно — она была уверена, что «спасибо» было ложью, потому что она не знала, за что благодарит; она была благодарна, но это была не та благодарность, у которой есть адресат. Ожог молчал. В Аду это означало одно: Изада сказала правду.

Она была благодарна. Это было правдой.

Она поднялась на второй этаж. Дверь с сиреневым бантом была приоткрыта. За дверью пахло пирожками.

— Кушать будешь? — сказала Нина.

— Буду, — сказала Изада.

ГЛАВА 4. КОММУНАЛКА

Кухня была маленькая, газовая плита, стол на четверых (на самом деле — на семерых, потому что в коммуналке жили шесть семей, и все ели на этой кухне), и холодильник «Бирюса», на котором кто-то когда-то приклеил магнит из Сочи, а кто-то другой приклеил магнит из Праги, и эти два магнита жили рядом уже четырнадцать лет и не ссорились.

Нина была маленькая, согнутая, в сиреневом халате. На ногах — тапочки с дырками. Лицо маленькое, морщинистое, с родимым пятном на левой щеке, в форме сердечка. Это было её любимое родимое пятно. Она часто говорила: «У меня на щеке сердечко. Это знак. Это значит, что меня любят.» Никто не спрашивал — кто. Она не объясняла.

— Садись, — сказала Нина.

Изада села за стол. Стол был накрыт клеёнкой. На клеёнке лежал пирожок.

— Это тебе, — сказала Нина. — С капустой. Я сегодня делала. Делаю по четвергам. Сегодня как раз четверг.

Изада посмотрела на пирожок. Пирожок был тёплый. Это было её первое тёплое, что она держала в руках за триста лет. В Аду всё было либо холодным, либо горячим — промежуточных температур там не существовало. Мир живых, оказывается, был миром тёплого.

— Ешь, — сказала Нина. — Не стесняйся.

Изада откусила. Внутри была капуста — тушёная, с морковкой, с каплей чего-то, что Нина называла «масло», а Изада — «чем-то молочным». Вкус был незнакомый. Это был её первый незнакомый вкус. В Аду вкусы были знакомыми все — там было только три категории: горечь, сладость и отсутствие. Здесь был четвёртый. Изада не знала, как он называется. Позже она узнает, что он называется «капуста».

— Вкусно? — спросила Нина.

— Вкусно, — сказала Изада.

— То-то, — сказала Нина. — У меня всегда вкусно. Это не моя заслуга, это заслуга теста. Тесто всегда вкусное, если его не жалеть.

Она села напротив Изады. Между ними стояла солонка в виде утки. Утка была с отбитой головой — её кто-то уронил лет десять назад, и Нина приклеила голову обратно суперклеем, но клей был жёлтый, и теперь утка была с жёлтой головой. Нина говорила, что это «порода такая».

— Ты откуда? — спросила Нина.

Это был второй человек в Москве, который задал ей этот вопрос. Первой была Тамара Петровна, и та спрашивала не из любопытства, а из протокола. Нина спрашивала иначе. Нина спрашивала потому, что ей было интересно.

— Издалека, — сказала Изада.

— Из какого издалека? — спросила Нина.

— Очень издалека, — сказала Изада.

— А, — сказала Нина. — Значит, из такого издалека, что лучше не говорить.

— Да, — сказала Изада.

— Это правильно, — сказала Нина. — В Москве лучше не говорить, откуда ты. В Москве все откуда-то, и все говорят, что из Воронежа, а на самом деле — из Воркуты или из мест, о которых не говорят. Я, например, из Костромы. Это далеко, но можно говорить. Можно даже сказать — Кострома. В Костроме я библиотекарь. Тридцать лет. Тридцать лет я выдавала книги. Теперь книги выдают в метро, и я никому не нужна, но это ничего, это нормально.

Она помолчала. Потом сказала:

— Ешь пирожок.

Изада ела пирожок. Нина пила чай. Чай был в стакане с подстаканником. Подстаканник был латунный, советский, с виньеткой. Изада не знала слова «подстаканник». Она подумала,

что это «клетка для стакана». Позже она узнает, что это подстаканник, и будет удивляться, что у такой простой вещи такое сложное название.

— А где ты жить будешь? — спросила Нина.

— Не знаю, — сказала Изада.

— Это хорошо, что не знаешь, — сказала Нина. — Когда знаешь — это уже не свобода. Когда не знаешь — это свобода. Я вот тоже не знаю, где буду жить через год. Может, здесь. Может, сын заберёт. Может, в интернат. Может, нигде. Это всё возможно. Когда всё возможно — это свобода. Когда всё решено — это советская власть.

Изада не знала, что такое «советская власть». В Аду слово «советская» употреблялось только в одном контексте: «Совет Псов». Она решила, что это та же власть.

— У меня есть диван, — сказала Нина. — В моей комнате. Старый, скрипучий, но диван. Можешь спать на нём, пока не определишься. Я сплю на кровати. Кровать у меня хорошая, ещё бабушкина.

— Спасибо, — сказала Изада.

— Не говори «спасибо», — сказала Нина. — Это слово не работает. Слово «спасибо» — это как пирожок без начинки. Форма есть, а внутри ничего. Говори «кушай» в ответ, или молчи. Это работает.

Изада посмотрела на свою руку. Ожог молчал. Значит, «спасибо» снова было правдой. Нина заметила, как Изада посмотрела на руку.

— Что с рукой? — спросила Нина.

— Ничего, — сказала Изада.

— Это ожог? — спросила Нина.

— Да, — сказала Изада.

— Старый?

— Старый, — сказала Изада.

— У меня тоже, — сказала Нина, и показала Изаде свою руку. На её руке, между большим и указательным пальцем, был ожог — маленький, круглый, от утюга. — Это я в молодости об утюг. Когда Игорь, сын, родился. Стирала пелёнки. Утюг был старый. Рука соскочила. Я ойкнула. Игорь проснулся. С тех пор ожог. Никогда не проходит.

Она помолчала.

— Ожоги — это следы, — сказала она. — Следы не проходят. С ними живут.

Изада не знала, что ответить. Нина тоже не ждала ответа. Она поднялась, открыла духовку, достала противень с пирожками. На противне было восемь пирожков. Она положила два на тарелку Изаде.

— Это вечером, — сказала она. — Если захочешь.

— Захочу, — сказала Изада.

— И ещё, — сказала Нина. — Завтра воскресенье. Если хочешь — погуляем. Если не хочешь — посидим. Воскресенье — это день, когда можно ничего не делать.

Изада кивнула. Она не знала, что такое «гулять» в мире живых. В Аду гуляли только по коридорам Канцелярии, и то — с отчётом. Здесь гуляли, кажется, просто так.

— Я пойду, — сказала Изада.

— Вот и славно, — сказала Нина.

Она поставила чайник. Чайник был старый, эмалированный, с отбитым краем. Нина налила в него воды, поставила на газ. Газ зашипел. Изада слушала. Это был её третий звук в Москве. Скрип двери. Скрип стула. Шипение газа.

— Нина, — сказала Изада.

— М?

— А что такое «спасибо»? Почему оно не работает?

Нина посмотрела на неё. Лицо её было таким, каким бывает лицо у бабушки, когда внук спрашивает, почему небо голубое: не удивлённое, а немного усталое, и очень доброе.

— Потому что, — сказала Нина, — когда ты говоришь «спасибо», ты просишь, чтобы тебя отпустили. Ты как бы говоришь: «Спасибо — и свободен.» А в Москве так не отпускают. В Москве «спасибо» — это значит «я тебя не забуду». А «я тебя не забуду» — это значит «я тебе должен». А «я тебе должен» — это значит «ты — мой должник». А должник — это человек, который не свободен.

Изада молчала.

— Я тебе ничего не должна? — спросила она.

— Нет, — сказала Нина. — Ты мне ничего не должна. Я тебя накормила, потому что ты голодная. Это не долг. Это пирожок. Пирожки не считаются.

— А что считается?

— Ничего не считается, — сказала Нина. — Вот и считай, что ничего.

Чайник закипел. Нина сняла его с газа, разлила чай по стаканам. Стаканов было три — себе, Изаде и «на всякий случай». «На всякий случай» в русском языке было выражением, у которого нет точного перевода на адский. Нина объяснила бы, что это значит «если кто-то придёт», но никто не пришёл, и стакан остался нетронутым.

Изада взяла стакан. Чай был горячий. Это было её первое горячее жидкое за триста лет. Она обхватила стакан двумя руками. Стакан был тёплый — не горячий и не холодный. Мир живых, оказывается, был миром тёплого.

— Нина, — сказала Изада.

— М?

— А почему вы мне помогаете?

Нина посмотрела на неё. Потом сказала:

— Потому что ты зашла.

Изада молчала. В Аду так не отвечали. В Аду на вопрос «почему ты мне помогаешь?» отвечали: «Потому что это входит в мои обязанности» или «Потому что мне за это заплатят». Здесь был третий ответ. Третий ответ был «потому что ты зашла».

— Зашла, — повторила Изада.

— Ну да, — сказала Нина. — Зашла. Стукнула. Встала на пороге. Не плакала, не просила, не жаловалась. Просто зашла. Это в Москве редкость. В Москве все плачут, просят, жалуются. А ты просто зашла. Это мне понравилось.

Изада отпила чай. Чай был сладкий. Нина положила сахар, не спрашивая. Изада не знала, что можно класть сахар, не спрашивая. В Аду всё было стандартизировано: один вид пищи — одна температура — одна степень сладости. Здесь можно было по-разному. Это было много. Это было слишком много.

— Спасибо, — сказала Изада.

Нина вздохнула.

— Опять, — сказала она.

— Я забыла, — сказала Изада.

— Это не забывается, — сказала Нина. — Это входит в привычку. Через неделю привыкнешь. Через месяц перестанешь говорить. Через год — начнёшь поправлять других.

— Как вы?

— Как я, — сказала Нина. — Я в Москве тридцать лет. Я уже поправляю. Вчера поправила курьера. Он сказал «спасибо» за то, что я открыла дверь. Я сказала: «Не говори „спасибо“, открой рот и ешь пирожок.» Он съел пирожок. Сказал: «Действительно, не „спасибо“.»

Изада улыбнулась. Она не знала, что улыбается. В Аду улыбка была формой отчёта: «работа выполнена успешно». Здесь улыбка была формой согласия. Это была совсем другая улыбка. Изада почувствовала это кончиками губ — что улыбка изменилась.

— Вот, — сказала Нина. — Уже улыбаешься. Не улыбайся незнакомым, но дома — можно.

Изада допила чай. Поставила стакан. Нина забрала стакан, сполоснула под краном, поставила сушиться. Чайник остывал на столе. За окном было темно. В окне было видно отражение кухни — и в этом отражении Изада впервые увидела себя в Москве.

Она была высокой, тонкой, тёмные волосы до лопаток. Серые глаза — отцовские. Левая бровь чуть приподнята — её собственная. Лицо было её лицом, но в отражении оно выглядело иначе. В Аду она видела себя в зеркалах Канцелярии — те зеркала были старые, медные, и в них она была инспектором. Здесь, в стекле окна, она была человеком. Это была разница.

— Нина, — сказала Изада.

— М?

— Я не знаю, как жить, — сказала Изада.

— Это нормально, — сказала Нина. — Никто не знает. Все делают вид.

— А вы?

— Я тоже, — сказала Нина. — Я тридцать лет делаю вид, что знаю. Соседи думают, что я знаю. Сын думает, что я знаю. Я сама думаю, что знаю. Но я не знаю. Я просто живу.

— А это работает?

— Работает, — сказала Нина. — Если не задавать много вопросов.

Изада посмотрела на свой чемодан. Чемодан стоял у двери — она принесла его с собой. В чемодане были: кукла (маленькая, деревянная, в адском платье — единственная игрушка, которую Азар ей подарил в детстве), книга (том Бродского на русском, тот самый, что Азар однажды принёс из мира живых, не объясняя зачем), и камень (чёрный, тёплый, молчащий).

— Открой, — сказала Нина, заметив, что Изада смотрит на чемодан.

Изада открыла. Нина заглянула.

— Пирожок возьми, — сказала Нина. — В дорогу. Вдруг проголодаешься.

— Я никуда не уйду, — сказала Изада.

— Это ты так думаешь, — сказала Нина. — А я думаю, что уйдёшь.

Изада посмотрела на неё. Нина смотрела спокойно. В её взгляде не было ни подсказки, ни намёка. Просто — знание. То знание, которое есть у людей, проживших долго.

— Откуда вы знаете? — спросила Изада.

— Я не знаю, — сказала Нина. — Я просто вижу.

Изада положила пирожок в чемодан, рядом с куклой. Кукла смотрела на пирожок серыми глазами. Глаза были Азаровы. Изада закрыла чемодан.

— Спать, — сказала Нина. — Завтра воскресенье.

Она забрала чемодан, помогла Изаде донести до комнаты. Комната была маленькая, с одним окном, с диваном, с двумя стульями, с тумбочкой, на которой лежала открытка из Канады — от сына. Открытка была с ёлочкой. Нина сказала: «Это Игорь прислал на Новый год. Каждый год одно и то же. Ёлочка.» Изада положила чемодан у дивана. Нина ушла. Изада легла.

Она лежала и думала. Она думала о том, что мир живых — это место, где люди задают вопросы, на которые нет ответов, и потом говорят «это нормально». Она думала о том, что «спасибо» — это долг. Она думала о том, что Нина знает, что она уйдёт, и даёт ей пирожок в дорогу.

Ожог на её руке молчал. Это было его третье молчание за день. В Аду молчание ожога означало одно: Изада сказала правду. Сегодня она сказала правду три раза. Это было много. В Аду за день она говорила правду один раз — утром, когда приходила на работу и говорила «я здесь».

Она заснула.

За окном шёл снег.

ГЛАВА 5. УСТРОЙСТВО

Пункт выдачи заказов стоял на углу, между пятиэтажкой и ларьком, в бывшем магазине «Продукты», а ещё раньше — в бывшем магазине «Хлеб», а ещё раньше — в бывшей чайной купеческого сословия, о чём Изада узнала впоследствии из таблички на стене, которую никто не снимал, потому что никто не помнил, зачем она нужна. На табличке было написано: «Чайная Блиновыхъ. Подаютъ кипятокъ и сдобу.» Слово «сдоба» Изада не знала. Она записала его в память — отдельно от других слов, в ту же категорию, что «подстаканник» и «бирюса».

Лена сидела за стойкой. Лена была тридцати лет, с чёлкой, с двумя кошками (одна — дома, вторая — в Лене, в виде привычки пить кофе в нерабочее время), в чёрной кофте и с наушником в правом ухе. Наушник был не для музыки. Наушник был для разговоров с курьерами, которые звонили и спрашивали, куда ехать, и Лена отвечала: «Ты адрес видишь? Вижу. Тогда куда ехать — туда и езжай.»

— Садись, — сказала Лена.

Изада села.

— Имя? — сказала Лена.

— Изада, — сказала Изада.

— Фамилия?

— Азаровна, — сказала Изада.

Лена посмотрела на неё. Потом посмотрела в компьютер. Потом обратно на Изаду.

— Документы, — сказала Лена.

— Нет, — сказала Изада.

— Садись, — повторила Лена. — Без документов — на испытательный. Три дня без зарплаты. Потом — пятьсот в день. Потом — если не уволим — тысяча. Курьером будешь?

— Буду, — сказала Изада.

— Тогда стой тут, — сказала Лена. — Будешь принимать. Сейчас придёт первый.

Первый пришёл через двенадцать минут. Это был мужчина в жёлтой куртке, с пакетом из «Вкусвилла», с лицом, на котором было написано «я опаздываю на автобус». Лена протянула ему пакет. Мужчина взял. Побежал. Лена повернулась к Изаде.

— Видела? — сказала Лена.

— Видела, — сказала Изада.

— Это был первый, — сказала Лена. — Первые — простые. Они приходят и забирают. Со вторыми сложнее. Вторые — те, кто заказывает, но не забирает. Третьи — те, кто заказывает, не забирает, потом возвращается и ругается. Четвёртые — те, кто возвращается, ругается, и у кого при этом есть скидочная карта. С четвёртыми ты зовёшь меня. Я разговариваю. Ты молчишь. Поняла?

— Поняла, — сказала Изада.

— Теперь главное, — сказала Лена. — Сдача.

Изада посмотрела на свои руки. Ожог не чешется. Значит, «сдача» — это пока слово.

— Когда покупатель платит, — сказала Лена, — ты берёшь деньги, даёшь сдачу. Если покупатель не пересчитал — ты не отдаёшь сдачу. Если покупатель пересчитал и ушёл, не взяв — ты не отдаёшь сдачу. Если покупатель вернётся — ты не отдаёшь сдачу, потому что ты её уже не видишь. Если покупатель спросит, где сдача, ты говоришь: «Какая сдача?» Покупатель уходит. Ты звонишь мне. Я говорю: «Какая сдача?» Покупатель звонит в поддержку. Поддержка говорит: «Какая сдача?»

— Это воровство, — сказала Изада.

Лена посмотрела на неё долго. Потом сказала:

— Это не воровство. Это экономия.

— Разница?

— Воровство — это когда ты берёшь чужое. Сдача — это не чужое. Сдача — это то, что покупатель сам не взял. Если покупатель сам не взял — значит, ему не нужно. Если ему не нужно — значит, оно твоё.

— А если ему нужно, и он забыл?

— Если забыл — это его проблема. Ты не виновата. Ты стояла на месте. Ты протянула. Он не взял. Что ты ещё должна делать?

Изада молчала. В Аду — в той, прежней жизни — такой вопрос не возникал. В Аду всё было решено: бери — не бери, дай — не дай, отдай — не отдай. Здесь всё было не решено. Здесь всё зависело от того, кто как посмотрит.

— Ещё, — сказала Лена. — Курьеры. Курьеры приходят, ругаются, опаздывают, теряют заказы, забывают адреса, путают улицы. Это нормально. Это их работа — ошибаться. Твоя работа — не ошибаться. Твоя работа — быть тем местом, где ошибку можно исправить. Поэтому — спокойно. Поэтому — чай. Курьер пришёл — налей чай. Курьер ушёл — вылей чай. Курьер не пришёл — вылей чай. Чай — это валюта. Чай — это то, чем ты платишь за то, что курьер не уволился.

— Я не умею наливать чай, — сказала Изада.

— Это неважно, — сказала Лена. — Чай наливать не умеет никто. Чай наливают все. Наливай кипяток в кружку, брось пакетик, подожди тридцать секунд. Это всё.

— Спасибо, — сказала Изада.

Лена поморщилась.

— Не говори «спасибо», — сказала она. — Это слово здесь не работает. Здесь работает «ок». Говори «ок». Это слово ни к чему не обязывает. Ок — это «я услышала». Ок — это «я не против». Ок — это «продолжай».

— Ок, — сказала Изада.

— Вот, — сказала Лена. — Уже лучше.

Она встала, открыла шкаф, достала чёрный жилет с надписью «Курьер». Положила на стойку.

— Это твоё, — сказала Лена. — Размер не важен. Главное — чтобы клиент видел, что ты курьер.

— Я не курьер, — сказала Изада. — Я на пункте выдачи.

— Это неважно, — сказала Лена. — Клиент видит жилет — значит, ты курьер. Клиент не видит жилет — значит, ты никто. Жилет — это пропуск. Жилет — это документ. Без жилета ты не существуешь. С жилетом ты — человек. Москва так устроена.

Изада взяла жилет. Жилет был чёрный, синтетический, с надписью жёлтым шрифтом. Надпись гласила: «Сотрудник пункта выдачи». Слово «сотрудник» Изада не знала. Она знала слово «сотрудник» в адском значении: тот, кто сотрудничает с Канцелярией. Здесь было другое значение. Здесь «сотрудник» означало «тот, кто стоит за стойкой и принимает пакеты». Это было проще.

— Иди домой, — сказала Лена. — Завтра к восьми. Смена с восьми до шестнадцати. Перерыв — тридцать минут. Обед — за свой счёт. Завтра — первая смена. Послезавтра — зарплата.

— Ок, — сказала Изада.

Она вышла на улицу. Было четыре часа дня. Снег. Люди. Москва. Изада стояла на углу, в чёрном жилете, с надписью «Сотрудник пункта выдачи», и не знала, что с этим делать. В Аду она знала, что с чем делать. В Аду каждая вещь имела место, и каждое место имело вещь. Здесь место не имело вещи, и вещь не имела места. Здесь всё можно было положить куда угодно и взять откуда угодно. Это была свобода. Это была пустота.

Она пошла в коммуналку.

По дороге она думала о Лене. Лена была не как Тамара Петровна и не как Нина. Тамара Петровна говорила загадками. Нина говорила пословицами. Лена говорила инструкциями. Лена была единственным человеком в Москве, который сказал Изаде, что делать, и при этом не сказал, что не делать. В этом была разница. Тамара Петровна говорила «не улыбайся». Нина говорила «не говори спасибо». Лена говорила «делай вот это». Лена была единственной, кто давал Изаде инструкцию, а не запрет. Изада была благодарна. Ожог не чешется.

Она пришла в коммуналку. Нина была на кухне. Нина сидела за столом, пила чай. На столе лежала открытка из Канады. На открытке была ёлочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.